

Натянул лук, выпустил стрелу!

В поместье «Цуйвэй» среди развлечений для гостей обычно предлагалась и охота.

Конечно, большинство выбирали арбалеты — в наши дни не каждый умеет обращаться с луком.

На охотничьем участке в задней части горы разводили множество мелких и средних животных, не представляющих опасности. Самыми крупными были олени и козлы, но чаще встречались дикие фазаны, зайцы и птицы.

Ван Цзысяо, стреляя из лука, специально замедлял движения, с профессиональной выдержкой демонстрируя нефритовый перстень на большом пальце и глубокий, сдержанный роговой лук. Человек, словно нефрит, конь, словно дракон. Сокол на руке расправил крылья, лук натянулся, как полная луна, и острая стрела метко поразила внезапно выскочившего желтого козла!

Стрела пронзила глаз козла, и он упал замертво, даже не успев сопротивляться.

Почти одновременно с Ван Цзысяо, Мо Синчжи нацелился на зайца, находившегося ближе.

Его поза была более вычурной, в отличие от энергичного Ван Цзысяо. Даже сидя верхом на лошади, Мо Синчжи излучал аристократическую утонченность, словно настоящий благородный муж. Он выглядел более сдержанным, и его внешний вид, естественно, был более привлекательным. Если Ван Цзысяо склонялся к «воинственности», то Мо Синчжи явно олицетворял изящество.

Заяц пошевелил ушами, спокойно опустил голову и продолжил жевать траву.

Мо Синчжи с большим пафосом выпустил стрелу, но она приземлилась в двух метрах от зайца, подняв немного травы и земли, и замерла на месте.

Ван Цзысяо усмехнулся, глядя на него, а затем махнул рукой Лэн Сяо:

— Вперед!

Сокол в воздухе сложил крылья, словно обтекаемый снаряд, и устремился прямо к зайцу, избежавшему смерти.

Схватив зайца, он не убил его, а взмыл вверх и направился к Ван Цзысяо, видимо, желая передать живого зайца ему.

Ван Цзысяо покачал головой и указал в сторону Мо Синчжи.

Лэн Сяо замедлился на секунду, неохотно развернулся и бросил прыгающего зайца Мо Синчжи.

Только по его отношению к Ван Цзысяо и Мо Синчжи можно было понять, кого сокол считал ближе. Если бы он передавал зайца Ван Цзысяо, то точно не бросил бы его так прямо.

К счастью, Мо Синчжи был начеку. В плане физической подготовки он, конечно, сильно уступал младшему брату. Ван Цзысяо был настоящим монстром, стоящим на вершине пирамиды среди сверстников, и соревноваться с ним было чистой воды мазохизмом. Но по сравнению с обычными людьми, Мо Синчжи, который всегда занимался спортом, имел явное преимущество.

Толстого зайца он без труда поймал в руки, поднял за уши и осмотрел. Нефритовый перстень на большом пальце, браслет из голубиной крови на запястье и даже черный нефритовый дракон на воротнике его одежды выглядели особенно ярко на фоне белоснежного меха зайца.

Он собирался забыть о промахе, ведь сегодня они снимали рекламный ролик, и чем больше они демонстрировали украшения бренда «Императорский род», тем лучше. Режиссер при монтаже, чтобы уложиться в хронометраж, и без его просьбы точно знал бы, на чем сделать акцент.

Ради этой цели он «смирился с унижением» и сделал вид, что не заметил насмешливого смеха Ван Цзысяо.

Толстый белый заяц, моргая красными глазами, смотрел на него три секунды, а затем, словно понимая человека, поднял передние лапки и стал кланяться, как бы умоляя о пощаде. Это выглядело невероятно мило.

Мо Синчжи слегка улыбнулся, а затем, наклонившись с лошади, отпустил зайца.

Заяц, используя свою милую уловку, спасся и тут же скрылся из виду.

— Вперед!

Они продолжили скакать на лошадях.

Поместье «Цуйвэй» действительно оправдывало свою репутацию элитного места отдыха, созданного брендом «Императорский род». Попав в заднюю часть горы, они увидели густые леса, ручьи, ущелья, водопады, цветы и зеленые луга — все это создавало атмосферу живой природы, где каждый пейзаж был уникален и полон очарования.

Они поохотились, сняли необходимые кадры и остановились у водопада. Соскочив с лошадей, они встали рядом у пруда, любуясь видом.

— Брат, ты проиграл.

Мо Синчжи посмотрел на него, не говоря ни слова.

Ван Цзысяо заметил, что его уши покраснели.

Он не стал указывать на это, ведь во всем нужно знать меру, иначе, если собеседник разозлится, это может закончиться плохо.

— Думаю, какой же приз мне выбрать на этот раз...

Он сделал вид, что задумался.

Мо Синчжи удивился:

— Разве мы не договорились, что...

Не закончив фразу, он понял, что слишком торопится, и замолчал.

— Договорились о чем? — Ван Цзысяо сначала сделал вид, что не понимает, но его навыки актерского мастерства были недостаточны, и он не смог сдержаться, разразившись смехом.

Оказывается, тот «массаж» оставил неизгладимое впечатление не только на нем, но и на Мо Синчжи, который явно с нетерпением ждал повторения.

Этот смех еще больше смутил Мо Синчжи.

Но он помнил, что он старший брат, и не мог показывать свою слабость перед младшим.

«На самом деле, такая робость и неопытность были вызваны тем, что он действительно привязался к Ван Цзысяо. Любовь порождает заботу, любовь порождает страх. Если бы кто-то на улице попытался заигрывать с ним, Мо Синчжи бы даже не дрогнул».

Молча добавив себе немного уверенности, Мо Синчжи спокойно сказал:

— Это все благодаря твоему двойному совершенству, младший брат Цзысяо, что я потерял голову и не могу оторваться...

Его слова о «двойном совершенстве» заставили Ван Цзысяо вспомнить о том дурацком титуле «Двойное совершенство», и он тут же перестал смеяться, бросив на Мо Синчжи сердитый взгляд:

— С твоими навыками использования идиом, я искренне сочувствую твоему учителю китайского языка!

Мо Синчжи лишь спокойно ответил:

— Главное, что смысл понятен. Что, младший брат Цзысяо, на этот раз не хочешь утрудиться? А я не боюсь трудностей.

Черт, если бы не его слабость, он бы точно заставил Мо Синчжи пожалеть о своей дерзости, доведя его до изнеможения!

Поэтому Ван Цзысяо снова почувствовал себя не в своей тарелке, но все же упрямо ответил:

— Ты только говоришь, но вечером жди меня!

Хотя к этому моменту несколько летающих камер уже вернулись к съемочной группе из-за разрядившихся батарей, и они остались одни в уединенном ущелье, они все равно говорили очень тихо, почти шепотом, чтобы никто, кроме них, не услышал. Но именно это придавало их разговору особую интимность, и оба чувствовали сладость и трепет в сердце.

Кроме первого желтого козла, Ван Цзысяо больше не стрелял в животных, не желая причинить лишний вред природе. А того козла сокол Лэн Сяо принес обратно. Кровь была сразу же спущена, и, несмотря на вес в 70–80 цзиней, Лэн Сяо легко поднял его, чтошний раз подтвердило его репутацию грозного хищника.

Сюй Чуньхуа позвонила им, сказав, что уже пора обедать, и попросила вернуться, чтобы продолжить съемки после обеда.

Но Ван Цзысяо отказался:

— Через некоторое время приготовьте набор приправ, я отправлю Лэн Сяо забрать его. У нас есть желтый козел, и мы не хотим возвращаться, так что устроим пикник здесь, среди гор и вод.

Сюй Чуньхуа сомневалась:

— Пикник? Ты уверен, что справишься?

Она беспокоилась, что это займет слишком много времени, ведь после обеда были запланированы съемки, и они не могли позволить себе бесконтрольно развлекаться.

Ван Цзысяо улыбнулся:

— Не переживай, у меня есть опыт, все будет быстро. Если хочешь, можешь присоединиться.

Сюй Чуньхуа сначала хотела отказаться, но, услышав его уверенность, вдруг подумала о новой идее и сразу же передумала:

— Хорошо, пусть Лэн Сяо заберет приправы, а я позову еще несколько человек, и мы тоже придем.

Как минимум, нужно взять с собой шеф-повара поместья, дядю Чжэня, чтобы он мог выручить в случае чего. В новой серии рекламных роликов «Королевской серии» после охоты должен был быть изысканный ужин в стиле аристократии, а затем — отдых. Таким образом, основные украшения серии были бы представлены в полной мере.

Сюй Чуньхуа предполагала, что если все пойдет хорошо, съемки займут как минимум два-три дня.

<http://bllate.org/book/16623/1522015>